

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

СЕАНС 14

КОНСТАНТИН САНЖАРОВСКИЙ

Константин Санжаровский

СЕАНС 14

<https://litres.ru/74374129>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лондонский психотерапевт Эвелин Харт получает конверт со стенограммой разговора с пациентом, которого никогда не видела. На следующий день Дэниел Мерсер садится напротив и произносит первую фразу слово в слово.

Эвелин решает проверить автора сценария — и быстро понимает, что текст не просто угадывает её реакции, а подталкивает к ним. Чем точнее становятся новые «сеансы», тем опаснее её интерес к Дэниелу и тем ближе старая история, которую Эвелин предпочла считать чужой ошибкой.

Но у Дэниела тоже есть инструкции — и они предсказывают уже её.

Чтобы остановить эксперимент, Эвелин придётся выяснить, где заканчивается чужая манипуляция и начинается её собственный выбор.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Конверт	5
Глава 2. Наиболее вероятная версия	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Константин Санжаровский

СЕАНС 14

Глава

КОНСТАНТИН САНЖАРОВСКИЙ
СЕАНС 14

Психологический триллер

16+

© Константин Санжаровский, 2026

Глава 1. Конверт

Конверт лежал ровно посередине стола Эвелин Харт.

Он был слишком обычным, чтобы сразу показаться угрозой: плотная белая бумага, напечатанное имя, ни марки, ни адреса. За окном дождь размазывал соседний дом по стеклу, в приёмной Джоан включила кофемашину, и запах пережжённого зерна смешивался с влажной шерстью пальто.

Эвелин остановилась в дверях. В пятницу вечером конверта не было. Она никогда не оставляла ничего в центре стола: папки справа, блокнот слева, ручка параллельно краю. Кабинет следовало каждый вечер возвращать к исходному состоянию.

Она сняла пальто, подошла и перевернула конверт. Сухой. Заклеен. Без подписи.

Серебряное кольцо на правой руке тихо стукнуло по бумаге.

Эвелин убрала пальцы.

— Прекрасно.

Она ненавидела замечать собственные автоматические движения.

Ножом для бумаги вскрыла конверт. Внутри — восемь листов.

На первой странице:

СЕАНС 1

ДОКТОР ЭВЕЛИН ХАРТ / ДЭНИЕЛ МЕРСЕР

Имя ничего ей не говорило.

Она открыла рабочий календарь.

Вторник, 10:00.

Дэниел Мерсер. Первичная консультация.

Запись создана в пятницу в 16:42.

Эвелин вышла к Джоан.

— Дэниел Мерсер.

— Завтра, — сказала та.

— Кто его записал?

— Я.

— Сам звонил?

— Надеюсь. Иначе у нас проблема с идентификацией по голосу.

— Кто направил?

Джоан задумалась.

— Сказал, что нашёл вас через... нет, подожди. Через жену. Да. Жена рекомендовала.

Эвелин вернулась в кабинет, закрыла дверь на ключ и прочитала вторую страницу.

10:17.

Эвелин касается серебряного кольца на правой руке.

Дэниел смотрит на часы.

ДЭНИЕЛ: Вы наверняка думали отменить нашу встречу.

ЭВЕЛИН: Расскажите о вашей жене.

ДЭНИЕЛ: Я пришёл сюда не говорить о ней.

Пауза.

Эвелин снова касается кольца.

Она решает, что Дэниел либо лжёт, либо хочет, чтобы его поймали на лжи.

Эвелин положила обе ладони на стол.

Никаких пророчеств.

Кольцо было на её фотографиях и выступлениях. Спросить пациента о супруге — не рискованный прогноз. Точное время производило впечатление только потому, что было точным.

Она продолжила читать. В тексте Дэниел говорил о контроле, о проверках, о том, что открывает переписку жены, закрывает её, не читая, и потом двадцать минут воображает содержание.

На четвёртой странице:

ЭВЕЛИН: Что произойдёт, если вы не проверите?

ДЭНИЕЛ: Ничего. В этом и проблема.

Слишком хорошая реплика.

Пациенты редко приходили с настолько чистой формулировкой собственного симптома.

Эвелин потянулась к кольцу и поймала себя за миллиметр до касания.

Вот и механизм, подумала она.

Скажи человеку не думать о белом медведе — и белый медведь поселится в комнате.

Текст сообщил, что она коснётся кольца, и теперь любое

движение к нему можно было принять за доказательство.

Она сфотографировала страницы, убрала оригинал в запираемый ящик, потом открыла поиск и набрала: Дэниел Мерсер Лондон.

Нашла фотографию мужчины тридцати девяти лет. Темноволосый, лицо скорее раздражающе обычное, чем эффектное. На левой руке — кольцо.

Эвелин закрыла вкладку и очистила историю.

Не поиск её беспокоил.

То, что она его скрыла.

Перед первым пациентом Джоан снова заглянула.

— Я проверила пятничную запись. Он точно сказал: жена рекомендовала доктора Харт.

Эвелин посмотрела на конверт.

В сценарии она должна была спросить о жене.

Совпадение. Подготовленная провокация. Сам Дэниел. Его жена. Кто-то из её окружения.

Она написала Клэр:

Мне нужно тебе кое-что показать. Ужин не отменяется.

Ответ пришёл сразу:

Это настолько серьёзно, что ты заранее обещаешь не отменить?

И следом:

До вечера. Только не решай всё сама до моего приезда.

Эвелин улыбнулась, потом заметила, что держит большой палец в миллиметре от кольца.

Вечером она достала первую страницу и ручкой написала под репликой о жене:

СПРОСИТЬ О МАТЕРИ.

Эвелин не сразу позвала Джоан. Сначала она несколько минут стояла у стола, пытаясь восстановить пятничный вечер по самым скучным деталям: выключила лампу, проверила окно, забрала чашку, положила ручку поперёк блокнота. Ничего из этого не помогало ответить на единственный вопрос — кто вошёл после неё.

Она открыла календарь ещё раз и посмотрела на запись Дэниела Мерсера. Создана в пятницу. Имя теперь выглядело так, будто всегда находилось там и только ждало, когда она заметит.

В приёмной Джоан снимала крышку с бумажного стаканчика.

— Ты смотришь так, будто я должна вызвать полицию, — сказала она.

— Пока нет.

— Очень обнадёживает.

Эвелин спросила про запись, звонок, время, необычные вопросы. Джоан отвечала без драматизма, и эта нормальность была полезнее любой поддержки.

— Хочешь, отменю? — спросила она наконец.

Ответ «нет» вышел слишком быстро.

Эвелин услышала это сама.

— Пока не отменяй.

— Это уже более честная формулировка.

Вернувшись в кабинет, она снова перечитала строку о кольце и впервые попробовала сознательно не касаться его. Через минуту поняла, что всё её внимание теперь сосредоточено на пальцах правой руки.

Текст ещё ничего не предсказал.

Но уже изменил её поведение.

Завтрашняя встреча ещё не произошла.

Следовательно, она могла поступить иначе.

* * *

До первого приёма Эвелин оставалось меньше двадцати минут, но рабочий день уже перестал быть обычным. Она попыталась вернуться к привычной последовательности: открыть окно на несколько сантиметров, поправить кресло напротив, проверить воду в графине, положить чистую салфетку под стакан. Всё это она делала каждое утро и всегда считала не ритуалом, а способом подготовить пространство. Сегодня разница между этими словами показалась ей менее надёжной. Если действие повторяется потому, что иначе возникает неприятное чувство, насколько важно, как именно профессионал его называет?

Она заметила, что дважды проверила замок нижнего ящика. Первый раз — убедиться, что закрыт. Второй — убедиться, что в первый раз действительно повернула ключ до конца. От этого стало почти смешно. Через сорок минут она будет объяснять другой женщине, почему повторная проверка

не уменьшает тревогу, а обучает мозг требовать следующей проверки.

Миссис Беккет вошла ровно в девять. Она была пятидесяти с небольшим, аккуратная, в сером плаще, который всегда складывала на коленях вместо того, чтобы повесить на крючок. Последние три недели они говорили о её сыне, который переехал в Манчестер и отвечал на сообщения всё реже. Сегодня, едва сев, она сказала:

— Я ночью три раза смотрела, был ли он онлайн.

Эвелин кивнула.

— И что вы надеялись узнать?

— Что с ним всё нормально.

— Узнали?

— Нет.

— Тогда зачем смотрели второй и третий раз?

Миссис Беккет раздражённо улыбнулась.

— Вот поэтому я к вам и хожу.

Эвелин услышала собственный вопрос так, будто его произнесла не она. Второй раз. Третий. Проверка, которая должна уменьшить неизвестность, но только делает неизвестность центральной. В нижнем ящике лежали восемь страниц, и мысль о них физически присутствовала в комнате. Не как страх, а как запрещённый объект внимания: достаточно было решить о нём не думать, и часть сознания начинала следить, успешно ли она не думает.

— Вы сейчас отвлеклись, — сказала миссис Беккет.

Эвелин подняла глаза.

— На секунду.

— У вас всё в порядке?

— Да.

Ответ получился автоматическим.

Миссис Беккет опустила взгляд на свои руки.

— Забавно. Когда мой сын так говорит, я сразу понимаю, что нет.

Эвелин не стала защищаться. Вернула разговор к тому, что происходило с пациенткой, и до конца часа больше не позволила себе смотреть в сторону стола. Но когда дверь закрылась, она обнаружила на полях блокнота маленький квадрат, обведённый ручкой четыре раза. Обычно она не рисовала во время сессий.

Между пациентами она открыла электронную форму Дэниела ещё раз. Он указал семейное положение — женат, контакт для экстренной связи оставил пустым. В разделе «причина обращения» было написано два слова: «проверки, контроль». Она задержала курсор над строкой. Такой ответ мог дать реальный человек. Мог дать и тот, кто заранее изучил её область работы.

Она заставила себя сформулировать три гипотезы на бумаге. Первая: Дэниел организовал всё сам. Вторая: кто-то, связанный с ним, хочет повлиять на первую консультацию. Третья: человек, не связанный с Дэниелом напрямую, использует его как элемент постановки. Рядом написала: «Что

опровергнет?» Это успокоило сильнее, чем должно было. У проблемы появилась форма.

В обед она вышла за кофе. Дождь стал мельче, почти пылью. Возле аптеки мужчина спорил с кем-то по видеосвязи. У светофора девочка считала красные машины. Никаких людей, которые смотрели бы на Эвелин дольше положенного. Она поймала себя на том, что замечает именно это, и отвернулась к витрине.

Телефон вибрировал в кармане. Письмо от организаторов конференции: просьба подтвердить выступление через три месяца. Тема панели — «Автономия пациента и границы влияния». Эвелин прочитала заголовок дважды и тут же назвала совпадением. Конференцию запланировали полгода назад. Никакой связи.

Но весь обратный путь ей хотелось проверить дату старой переписки.

Она не проверила.

Это стало первой маленькой победой дня, и поэтому Эвелин не понравилось, насколько хорошо она её запомнила.

* * *

В тот же день Эвелин провела ещё четыре приёма. Она специально не переносила ни один, потому что перенос означал бы признать, что конверт уже управляет расписанием.

Это решение оказалось полезной проверкой реальности.

Молодой мужчина в полдень говорил о страхе публичных выступлений. Женщина после него — о дочери, которая пе-

рестала отвечать на звонки. Последний пациент спорил с ней двадцать минут о том, можно ли считать алкоголем две бутылки пива каждый вечер, если он «никогда не пьянеет».

Никто не был частью загадки.

К пяти часам Эвелин почти вернула привычное ощущение масштаба: в мире существовали чужие проблемы, которые не знали про Дэниела Мерсера.

Потом Джоан положила на стол ключи и спросила:

— Ты закрываешь?

— Через десять минут.

— Не сиди до ночи.

— Почему все сегодня дают мне бытовые инструкции?

— Потому что без них ты иногда превращаешь работу в археологическую экспедицию.

Джоан ушла.

Эвелин осталась одна.

В тишине здания даже кондиционер звучал громче. Она подошла к креслу пациента и села в него.

С этого места кабинет выглядел иначе.

Стол Эвелин был слишком аккуратным. Часы висели сбоку, но хорошо попадали в поле зрения. На нижней полке шкафа торчал угол книги, которую она месяц собиралась выровнять. На стене отражался свет от мокрого окна.

Если бы неизвестный человек сидел здесь раньше, что бы он заметил?

Кольцо.

Порядок.

Часы.

То, как Эвелин держит дверь приоткрытой между приёмами и закрывает перед началом.

Ничего секретного.

Она пересела обратно.

Мысль оказалась одновременно успокаивающей и неприятной: чтобы знать человека достаточно для первых нескольких строк, иногда не нужно проникать в его голову. Достаточно долго смотреть.

Эвелин выключила лампу.

На выходе из здания она специально не оглянулась.

Только по отражению в стеклянной двери проверила, что сзади никого нет.

Разница показалась ей существенной ровно до того момента, пока она не признала: это была всё та же проверка.

Глава 2. Наиболее вероятная версия

Клэр Уитмор опоздала на двенадцать минут и принесла вино, которое Эвелин не любила.

— Я помню, что оно слишком кислое, — сказала Клэр с порога. — Оно было последним охлаждённым.

— Значит, ты сознательно выбрала плохой вариант.

— Я выбрала наиболее доступный.

Она закрыла мокрый зонт прямо у ковра.

— Не там.

Клэр посмотрела вниз.

— До катастрофы двадцать сантиметров.

Она знала квартиру Эвелин лучше большинства людей: где лежат ножи, какую конфорку нужно повернуть чуть дальше отметки, что Эвелин покупает лимоны по четыре и всегда выбрасывает последний высохшим.

На кухне Клэр поставила воду для пасты.

— Где оно?

Эвелин принесла конверт.

Клэр читала страницы медленно, что всегда раздражало Эвелин ещё со времён университета.

— Не торопи, — сказала она, не поднимая глаз. — Ты уже придумала четыре объяснения и сейчас заразишь меня

каждым.

— Три.

— Видишь.

На кухне закипела вода. Клэр убавила огонь, бросила пасту и больше к плите не возвращалась.

Она отметила очевидное: Дэниел мог участвовать; кольцо легко заметить на публичных выступлениях; точное время выглядит впечатляюще только до тех пор, пока не наступило.

— Самая вероятная версия пока самая скучная, — сказала Клэр. — Он сам это устроил.

— «Самая вероятная версия»?

— Да.

— Ты всегда так говоришь?

Клэр пожала плечами.

— Наверное.

Эвелин запомнила фразу именно потому, что она её раздражала.

Позже, когда Клэр готовила ужин, Эвелин заметила ещё одну мелочь: подруга сразу ополаскивала нож после лимона, хотя собиралась пользоваться им снова. Клэр объяснила, что не любит запах цитруса на металле.

Ничего важного.

Обычная привычка обычного человека.

Перед уходом Клэр сказала:

— Если завтра он не произнесёт эту фразу, не расстраивайся.

— С чего мне расстраиваться?

— Вот именно.

После закрывшейся двери Эвелин долго стояла в прихожей.

Достала первую страницу и написала под будущим вопросом о жене:

«СПРОСИТЬ О МАТЕРИ».

Ей стало легче.

Теперь казалось, что хотя бы одно действие завтрашнего дня принадлежит ей.

Только после этого поняла, что уже не решает, принимать ли Дэниела.

Она решает лишь, как именно его принять.

* * *

Пока паста варилась, Клэр дважды меняла тему так ловко, что Эвелин только со второго раза поняла: подруга сознательно не даёт разговору превратиться в допрос. Они обсудили соседку Клэр, которая оставляла велосипед в общем коридоре, и старого преподавателя, внезапно объявившегося в университетской рассылке с фотографией из Португалии. Это были разговоры, в которых отсутствовали важные факты, но присутствовала жизнь.

— Ты всё ещё хранишь тот ужасный зелёный чай? — спросила Клэр, открывая шкаф.

— Он не ужасный.

— Он пахнет мокрым картоном.

— Тогда не пей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.